

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон

Неуловимый принц

Начало этой истории теряется среди множества других историй, сплетенных вокруг имени хотя и не древнего, но легендарного. Это имя — Майкл О'Нейл, которого в народе звали принцем Майклом, отчасти потому, что он провозгласил себя потомком старинного рода принцев-фениев, отчасти потому, что он намеревался, как гласит молва, стать принцем-президентом Ирландии, по примеру последнего Наполеона во Франции.¹ Несомненно, он был джентльменом благородного происхождения и обладал многими совершенствами, из коих два были особенно примечательны. Ему было свойственно появляться, когда его не ждали, и исчезать, когда его ждали, и в особенности когда ждала полиция. Можно добавить, что его исчезновения были опаснее появлений. В последних он редко выходил из границ сенсационного — срывал правительственные воззвания, расклеивал мятежные воззвания, произносил пламенные речи, подымал запретные флаги. Но, исчезая, он нередко боролся за свою свободу с такой поразительной энергией, что счастлив был тот из его преследователей, кому удавалось отделаться проломленной головой и не сломать себе на этом шеи. Однако свои самые знаменитые и чудесные побеги он осуществил благодаря находчивости, но не насилию.

Однажды, безоблачным летним утром, весь белый от пыли, он появился на дороге перед крестьянским домиком и с равнодушием светского человека сообщил дочери фермера, что за ним гонится местная полиция. Девушку звали Бриджет Ройс, она была красива, но красота ее была строгой и даже суровой. Она сумрачно взглянула на него и недоверчиво спросила:

— Ты хочешь, чтобы я спрятала тебя?

В ответ он только рассмеялся, легко перепрыгнул каменную изгородь и зашагал к ферме, небрежно бросив через плечо:

— Благодарю, до сих пор мне всегда удавалось прятаться самому.

Тем самым он проявил пагубное непонимание женского сердца, и на его путь, озаренный солнечным сиянием, легла роковая тень.

Он скрылся в доме, девушка осталась у дверей, глядя на дорогу, на которой появились двое мокрых от пота и спотыкающихся от усталости полицейских. Она ничего им не сказала, хотя все еще сердилась, и четверть

часа спустя полицейские, обшарив дом, уже обыскивали огород и ржаное поле, лежащее за ним. Поддавшись мстительному порыву, она могла бы даже не устоять перед искушением и выдать беглеца, если бы не одно пустячное затруднение: так же как и полицейские, она не представляла себе, куда он мог спрятаться.

Низенькая изгородь окружала огород, а за ним, как квадратная заплатка на склоне большого зеленого холма, лежало поле; человек, идущий по полю, был бы отчетливо виден даже издали.

Все прочно стояло на своих привычных местах. Яблоня была слишком мала, чтобы в ее ветвях мог спрятаться человек. Единственный сарай с открытой настежь дверью был явно пуст. Не слышно было ни звука, только гудела мошкара да прошелестела крыльями птичка, шарахнувшись с непривычки от пугала, стоявшего в поле. Почти нигде не было тени, только от тоненького деревца падало на землю несколько синих полос. Каждая мелочь четко, как под микроскопом, выступала в ярком солнечном свете. Позже девушка описала эту картину со страстностью и реализмом, присущим ее народу. Что же касается полицейских, то они, не способные к такому образному восприятию действительности, сумели во всяком случае здраво оценить положение и, отказавшись от погони, удалились со сцены.

Бриджет Ройс стояла неподвижно, как заколдованная, глядя на залитый солнцем огород, в котором, словно дух, исчез человек. Мрачное настроение не оставляло ее, и таинственное исчезновение стало казаться ей чем-то враждебным и страшным, точно этот дух был злым духом.

Солнечный свет угнетал ее больше, чем угнетала бы тьма, но она не отрывала взгляда от залитого солнцем поля. Вдруг ей почудилось, что мир лишился рассудка, и она закричала. Пугало тронулось с места. Все время оно стояло спиной к ней, в бесформенной старой черной шляпе и изодранной одежде, а теперь быстрыми шагами удалялось прочь по косоугру, только лохмотья развевались на ветру. Девушка не стала размышлять о дерзкой маскировке, с помощью которой этому человеку удалось использовать тонкое взаимодействие между ожидаемым и действительным. Она все еще была во власти сложных личных переживаний и запомнила только, что, удаляясь, пугало даже не обернулось, чтобы взглянуть на ферму.

Судьба, столь неблагоприятная к его фантастической борьбе за свободу, решила, чтобы следующее его приключение, хотя в одном отношении и увенчавшееся успехом, еще сильнее увеличило опасность в другом отношении. Среди многочисленных историй подобного рода, передаваемых про него, ходит рассказ о том, как несколько дней спустя

другая девушка, по имени Мэри Греган, обнаружила, что он прячется на ферме, где она служила. И если верить рассказам, она также пережила сильное потрясение. Она работала одна во дворе и вдруг услышала голос из колодца; оказалось, что этот удивительный человек ухитрился залезть в бадью, спущенную в колодец, где было мало воды. На этот раз, однако, ему пришлось обратиться к женщине за помощью, — он попросил ее вытянуть бадью. И говорят, что, когда весть об этом дошла до Бриджет Ройс, та решилась наконец на предательство.

Таковы были слухи о его приключениях, ходившие в округе. Их было много. Еще рассказывали, как однажды, одетый в роскошный зеленый халат, он с дерзким видом стоял на лестнице большого отеля, поджидая полицейских, а затем заставил их гнаться за собой по анфиладе великолепных покоев, заманил их к себе в спальню, а оттуда на балкон, висевший над рекой. В ту минуту, когда преследовавшие его полицейские ступили на балкон, он подломился под их тяжестью, и они посыпались в бурлящие волны; сам же Майкл, успевший сбросить халат, нырнул и ускользнул от погони. Рассказывают, что он заранее подпилил подпорки, чтобы они не выдержали такой нагрузки, как вес полицейских. Однако и в этом побеге он добился лишь кажущегося успеха, ибо один из полицейских утонул, оставив семью, чья непримиримая ненависть нанесла некоторый вред популярности принца.

Эти истории передаются сейчас с такими подробностями не потому, что были самыми чудесными и замечательными из всех его приключений, но потому, что только на них не наложила запрет молчания преданность местных крестьян. Только эти истории и были изложены в официальных отчетах, и о них-то читали и рассуждали трое представителей власти графства в ту минуту, когда началась самая замечательная часть нашего рассказа.

Давно уже наступила ночь, но на берегу, в окнах домика, где временно расположились полицейские, горел свет. Здание это было последним в ряду редко разбросанных домов деревни, а за ним начиналась болотистая пустошь, заросшая вереском, которая тянулась до самого моря. Ровная линия берега вдалеке нарушалась лишь одинокой башней старинной архитектуры — такие еще встречаются в Ирландии, — стройной, как колонна, с остроконечным, как у пирамиды, верхом. У окна, перед которым расстился этот пейзаж, за деревянным столом сидели двое в штатском, сохранивших, впрочем, некоторую военную выправку, как и подобало людям, возглавлявшим местную сыскную полицию. Старшим по возрасту и по чину был коренастый человек с подстриженной седой бородой и седыми

нахмуренными бровями, что было вызвано скорее озабоченностью, чем суровостью.

Звали его Мортон, родом он был из Ливерпуля и давно уже варился в котле ирландских междоусобиц, выполняя свой долг по обязанности, но с некоторой долей сочувствия. Он произнес несколько фраз, обращаясь к своему помощнику Нолану, высокому темноволосому человеку с типичным для ирландца длинным лицом землистого цвета, а затем, вспомнив что-то, нажал звонок, отозвавшийся в соседней комнате. Тотчас же явился подчиненный с папкой бумаг.

— Присядьте, Уилсон, — сказал Мортон. — Что у вас? Показания?

— Да, — ответил тот. — Думаю, что я вытянул из них все, что было можно. Я отпустил их.

— А Мэри Греган дала показания? — спросил Мортон, хмурясь несколько больше обычного.

— Нет, зато рассказал ее хозяин, — ответил тот, кого звали Уилсоном. У него были прямые рыжие волосы и некрасивое бледное лицо, впрочем не лишенное известной пронизательности. — Думаю, что он сам увивается за нею и потому все выболтал о сопернике. В тех случаях, когда нам говорят правду, всегда имеется какая-нибудь причина такого рода. Зато, уж будьте спокойны, другая девица сказала все.

— Ну что ж, будем надеяться, что эти сведения хоть на что-нибудь пригодятся, — весьма уныло заметил Нолан, глядя во тьму за окном.

— Все пригодится, — сказал Мортон, — все, что мы о нем знаем, пойдет на пользу.

— Мы знаем о нем одно, — сказал Уилсон. — И этого никто никогда раньше не знал. Мы знаем, где он сейчас находится.

— Вы в этом уверены? — спросил Мортон, пристально глядя на него.

— Вполне уверен, — ответил его помощник. — В эту самую минуту он находится вон в той башне у моря. Если вы подойдете поближе, вы увидите в окне горящую свечу.

В это время с дороги донесся автомобильный гудок, а спустя мгновение — шум затормозившей перед дверью машины. Мортон проворно вскочил на ноги.

— Слава Богу, приехали из Дублина, — сказал он. — Без особых полномочий я ничего не могу предпринять, даже если бы он сидел на верхушке этой башни и показывал нам язык. Но шеф сможет поступить, как сочтет нужным.

И он поспешил к двери встретить высокого красивого мужчину в меховом пальто, который внес в маленькую грязную комнату отблеск

больших городов и роскоши большого света.

Это был сэр Уолтер Кэри, занимавший такое высокое положение в Дублинском замке, что только дело принца Майкла могло побудить его совершить это ночное путешествие. Надо сказать, что дело принца Майкла осложнялось не только нарушением закона, но и самим законом. Последний раз ему удалось выскользнуть из рук правосудия не с помощью обычного для него дерзкого побега, но с помощью хитроумного толкования закона, и в настоящее время было неясно, подлежал он судебной ответственности или нет. Рассмотрение этого вопроса могло потребовать некоторой натяжки в толковании закона, человек же, подобный сэру Уолтеру, вероятно, мог бы растянуть его по своему усмотрению. Но намеревался ли он это сделать, никому не было известно.

Несмотря на почти вызывающую роскошь мехового пальто сэра Уолтера, все очень скоро поняли, что его большая львиная голова была не только украшением, но и весьма полезной принадлежностью, ибо он рассматривал это дело трезво и вполне разумно. Вокруг простого соснового стола поставили пять стульев; сэр Уолтер привез с собой родственника и секретаря по имени Хорн Фишер, молодого человека довольно апатичного вида со светлыми усами и преждевременно поредевшими волосами. Сэр Уолтер с серьезным вниманием, его секретарь с вежливой скукой выслушали повествование о том, как полицейским удалось выследить неуловимого бунтовщика от ступенек отеля до одинокой башни на морском берегу. Здесь, между болотом и бушующим морем, он попал наконец в ловушку; посланный Уилсоном разведчик доложил, что он сидит и пишет при свете одной свечи — может быть, сочиняет очередное грозное воззвание. Выбрать эту башню как место последней отчаянной схватки мог только принц. У него имелись какие-то притязания на нее, как на свой фамильный замок, и те, кто знал его, не удивились бы, если бы он вздумал подражать древнему ирландскому вождю, который погиб, сражаясь с морем.

— Подъезжая, я видел, что отсюда выходили какие-то подозрительные личности, — сказал сэр Уолтер. — Это, по-видимому, ваши свидетели. Но что они здесь делают в такую позднюю пору?

Мортон мрачно усмехнулся.

— Они приходят ночью, потому что их убили бы, если бы они пришли днем. Их считают преступниками, совершающими преступление более тяжкое, чем кражи и убийство.

— О каком преступлении вы говорите? — спросил с любопытством сэр Уолтер.

— Они помогают закону, — ответил Мортон.

Наступило молчание. Сэр Уолтер рассеянно смотрел на лежащие перед ним бумаги. Наконец он сказал:

— Отлично, но посудите сами — если так сильны чувства местного населения, надо поразмыслить о многом. Думаю, что на основании вновь принятого закона я могу, если найду нужным, арестовать его. Но будет ли это наилучшим выходом из положения? Серьезные беспорядки здесь повредили бы нам в парламенте, а наше правительство имеет врагов в Англии, так же как и в Ирландии. Если же я поверну дело круто и потом окажется, что я только вызвал восстание, это ни к чему хорошему не приведет.

— Напротив, — быстро сказал человек, которого звали Уилсоном. — Если вы арестуете его, не будет и половины тех волнений, которые произойдут, если вы оставите его на свободе еще на три дня. Впрочем, в наше время нет ничего, с чем бы не справилась настоящая полиция.

— Мистер Уилсон лондонец, — с улыбкой сказал сыщик-ирландец.

— Да, я настоящий кокни, — отвечал тот, — и думаю, для меня это не так уж плохо. Особенно в данном случае, как ни странно.

Сэра Уолтера, казалось, забавляло упорство полицейского, а еще более — легкий акцент, достаточно красноречиво говоривший о его происхождении.

— Не хотите ли вы сказать, — спросил он, — что вы лучше разбираетесь в этом деле оттого, что приехали из Лондона?

— Это может казаться смешным, я знаю, но таково мое мнение. Я убежден, что в подобных делах нужны новые методы. И прежде всего здесь нужен свежий глаз.

Все рассмеялись, но рыжеволосый полицейский продолжал с некоторой досадой:

— Нет, надо разобраться в фактах. Вспомните, как этот субъект ускользал каждый раз, и вы поймете, что я имею в виду. Почему ему удалось занять место пугала и спрятаться от всех под какой-то старой шляпой? Дело в том, что полицейский был из здешних, он знал, что на этом месте стоит пугало, или, вернее, ожидал его увидеть, и поэтому не обратил на него внимания. Ну а для меня пугало — вещь необычная, я никогда не видел их на улицах, и стоит мне заметить его в поле, как я начинаю смотреть на него во все глаза. Для меня это что-то новое и привлекающее внимание. То же самое повторилось, когда он спрятался в колодце. Для вас колодец в таком месте — вещь обычная, вы ожидаете увидеть его и поэтому не замечаете. Я же не ожидаю — и поэтому вижу его.

— Да, это, конечно, мысль новая, — сказал, улыбаясь, сэр Уолтер. — А что вы скажете относительно балкона? Балконы ведь изредка попадают и в Лондоне.

— Но они не нависают над водой, словно в Венеции, — отвечал Уилсон.

— Да, это, конечно, мысль новая, — повторил сэр Уолтер, и в его голосе послышалось что-то похожее на уважение. Как все представители привилегированных классов, он обладал приверженностью к новым идеям. Но он обладал также и способностью критически мыслить и после некоторого раздумья пришел к выводу, что мысль эта была к тому же и правильная.

Начало светать. Стекла в окнах из черных превратились в серые, и сэр Уолтер решительно поднялся. За ним поднялись и другие, сочтя его движение знаком того, что арест предрешен. Однако их начальник стоял с минуту в глубоком раздумье, как бы сознавая, что оказался на перепутье. Внезапно тишину прервал долгий протяжный вопль, донесшийся издалека, с темных болот. Наступившее молчание казалось страшнее самого крика. Его нарушил Нолан, произнесший сдавленным голосом:

— Это кричит фея смерти. Она пророчит кому-то могилу. — Его длинное лицо с крупными чертами стало бледнее луны, — среди присутствовавших он один был ирландец.

— Знаю я эту фею, — весело сказал Уилсон, — хоть вы и считаете, что я ничего не понимаю в таких вещах. Я сам говорил с этой феей час тому назад и послал ее к башне; это я приказал ей так кричать, если она увидит в окне, что наш друг все еще пишет свое воззвание.

— Вы говорите об этой девушке, Бриджет Ройс? — спросил Мортон, хмурия седые брови. — Неужели она решила, что это входит в ее обязанности свидетельницы обвинения?

— Да, — сказал Уилсон. — Вы утверждаете, что я ничего не смыслю в местных обычаях. Однако сдается мне, что разозленная женщина всюду ведет себя одинаково.

Нолан все еще оставался мрачным, ему явно было не по себе.

— Такой крик не предвещает ничего хорошего, как и все дело, — проговорил он. — И если это конец принцу Майклу, то, возможно, конец и для многих других. Если уж приходится ему драться, он дерется как одержимый и вырывается по колена в крови и через гору трупов.

— Это и есть настоящая причина ваших суеверных страхов? — спросил с легкой насмешкой Уилсон.

Бледное лицо ирландца потемнело от гнева.

— Я видел больше убийств у себя в графстве Клэр, чем вы — пьяных драк на станции Клэпам, мистер Кокни, — сказал он.

— Замолчите, — резко сказал Мортон. — Уилсон, вы не имеете никакого права выражать сомнение относительно поведения того, кто выше вас по чину. Надеюсь, что сами вы окажетесь таким же мужественным и достойным доверия, каким всегда был Нолан.

Бледное лицо рыжеволосого, казалось, побледнело еще больше, однако он сдержался и промолчал. Сэр Уолтер подошел к Нолану и проговорил с подчеркнутой учтивостью:

— Не отправиться ли нам сейчас, чтобы покончить с этим делом?

Светало. Между огромной серой тучей и огромным серым простором равнины появился широкий белый просвет, а за ним на фоне тусклого неба и моря вырисовывался четкий силуэт башни. Ее простые и строгие очертания наводили на мысль о первых днях творения, о тех доисторических временах, когда не было еще красок, а существовал только чистый солнечный свет между тучами и землей. Лишь одна яркая точка оживляла эти темные тона — желтое пламя свечи в окне одинокой башни, все еще заметное в разгоревшемся свете дня. Когда группа сыщиков, сопровождаемая полицейским отрядом, расположилась полукругом перед башней, чтобы отрезать беглецу все пути к отступлению, свет в окне вспыхнул на мгновение, словно кто-то передвинул свечу, и погас. Повидимому, человек, находящийся внутри, заметил, что наступил рассвет, и задул свечу.

— В башне есть еще окна, не так ли? — спросил Мортон. — И конечно, дверь где-нибудь за углом, — впрочем, какие же могут быть углы у круглой башни.

— Еще один пример в пользу моей скромной теории, — спокойно заметил Уилсон. — Первое, на что я обратил внимание, когда приехал сюда, была эта чудная башня. Поэтому я могу рассказать вам кое-что о ней или во всяком случае о ее внешнем виде. Всего здесь четыре окна. Одно перед нами. Другое почти рядом, но его отсюда не видно. Оба эти окна, а также и третье, с противоположной стороны, находятся в нижнем этаже, образуя треугольник. Зато четвертое приходится прямо над третьим и, как мне кажется, расположено на верхнем этаже.

— Нет, это что-то вроде хоров, — сказал Нолан, — туда можно влезть по приставной лестнице. Я часто играл там в детстве. Наверху ничего нет.

Его лицо омрачилось. Возможно, он подумал о трагедии своей родины и о той роли, которую он в ней исполнял.

— Во всяком случае, там есть стол и стул, — сказал Уилсон. —

Конечно, ему нетрудно было взять их в деревне. Если вы разрешите, сэр, я бы предложил следующее: одновременно подойти ко всем пяти выходам. Кто-нибудь займет место у двери и по одному — у каждого окна. У Макбрайда есть лестница, которую можно приставить к верхнему окну.

Мистер Хорн Фишер, апатичный секретарь сэра Уолтера, повернулся к своему знаменитому родственнику и впервые за это время расслабленным голосом произнес:

— Я чувствую, что становлюсь приверженцем психологической школы «кокни».

По-видимому, каждый на свой лад поддался тому же влиянию, ибо все стали располагаться по предложенному плану. Мортон направился к окну, находящемуся прямо перед ним, в котором укрывшийся в башне преступник только что задул свечу. Нолан — несколько западнее, ко второму окну, в то время как Уилсон и следовавший за ним Макбрайд с лестницей, обойдя башню сзади, пошли к двум окнам, расположенным на противоположной стороне. Сам же сэр Уолтер Кэри, в сопровождении своего секретаря, занял место у входа, чтобы потребовать сдачи по всем правилам закона.

— Он вооружен, конечно? — небрежно спросил сэр Уолтер.

— Безусловно, — ответил Хорн Фишер. — Даже если в руках у него только подсвечник, он может сделать им больше, чем другие револьвером. Но у него есть и револьвер.

Не успел он договорить, как оглушительный грохот ответил на вопрос.

Мортон только что занял место у ближайшего окна, закрывая его широкими плечами. На одно мгновение окно осветилось изнутри красным пламенем и под сводами башни прогрехотало эхо. Квадратные плечи Мортон опустились, и его сильное тело рухнуло в высокую густую траву у подножья башни. Из окна маленьким облачком выплыл дымок. Сэр Уолтер и его секретарь, стоявшие позади Мортон, бросились поднимать его. Он был мертв. Сэр Уолтер выпрямился и крикнул что-то, однако второй выстрел, раздавшийся вслед за первым, заглушил его слова. Вероятно, это стреляли полицейские у противоположного окна, мстя за смерть своего товарища. В это время Фишер успел подбежать ко второму окну. Раздался крик изумления, и сэр Уолтер поспешил к своему секретарю. На траве лежало распостертое тело ирландца Нолана, трава вокруг была красной от крови. Когда они подбежали к нему, он еще дышал, но смерть уже была написана на его лице. Собрав последние силы, Нолан что-то пробормотал и махнул рукой, как бы давая им понять, что для него все уже кончено, героическим усилием отсылая их к товарищам, осаждавшим башню. Сэр

Уолтер и его спутник, ошеломленные этими внезапными и ужасными событиями, столь быстро последовавшими одно за другим, почти бессознательно повиновались его жесту. Картина, которую они увидели, была столь же поразительна, хотя и менее трагична: два других полицейских не были убиты или смертельно ранены, но Макбрайд лежал со сломанной ногой под упавшей лестницей, которую, очевидно, оттолкнули от верхнего окна, а Уилсон лежал ничком, неподвижно, точно оглушенный, уткнувшись своей рыжей головой в серебристо-серые шарики серебрянки. Впрочем, его беспмятство было недолгим, потому что он зашевелился и попытался подняться, как только сэр Уолтер и его секретарь показали из-за башни.

— Черт возьми, точно взрыв! — вскричал сэр Уолтер.

И действительно, нельзя было иначе определить ту дьявольскую энергию, с какой один человек, зажатый в треугольник врагов, сломал его, почти одновременно посеяв смерть и разрушение на всех трех сторонах треугольника.

Уилсон уже поднялся на ноги и с удивительной энергией бросился к окну, держа револьвер наготове. Он дважды выстрелил в окно и прыгнул в него в дыму своих выстрелов; звук его шагов и стук упавшего стула свидетельствовали о том, что неустрашимый кокни проник наконец в башню. Последовала непонятная тишина, дым рассеивался, и сэр Уолтер, подойдя к окну, заглянул в пустоту древней башни. Кроме Уилсона, озиравшегося вокруг, там никого не было.

Внутри башня представляла собой одну пустую комнату, в которой не оказалось ничего, кроме простого деревянного стула и стола. На столе были бумаги, перья и чернильница, рядом с ней стоял подсвечник. На стене, под верхним окном, виднелась грубо сколоченная из досок площадка, похожая скорее на большую полку. Добраться до нее можно было только по приставной лестнице. Площадка была пуста, как и вся комната с ее голыми стенами. Уилсон, оглядев помещение, подошел к столу и стал внимательно рассматривать лежащие на нем вещи. Затем он молча указал своим тощим пальцем на открытую страницу большой тетради. Человек, который писал в ней, остановился, даже не окончив начатого слова.

— Я говорю, это было похоже на взрыв, — сказал сэр Уолтер. — И сам человек будто тоже взорвался. Во всяком случае, он каким-то образом вылетел из башни, не повредив ее при этом. Вернее, он исчез, как мыльный пузырь, а не как взорвавшаяся бомба.

— Зато он повредил нечто гораздо более ценное, чем башня, — мрачно сказал Уилсон.

Наступило долгое молчание, затем сэр Уолтер произнес серьезно:

— Что ж, мистер Уилсон, я не сыщик. После происшедших здесь печальных событий придется вам взять на себя руководство. Мы все горько сожалеем о причине этого, но мне хотелось бы сказать, что в данном деле я полностью полагаюсь на ваши способности. Что мы должны предпринять?

Уилсон, казалось, вышел из своего подавленного состояния и ответил на его слова признательностью и уважением, которые вряд ли кому выказывал до сих пор. Он отдал распоряжение нескольким полицейским обыскать башню внутри, послав остальных осматривать ближайшие окрестности.

— Я думаю, — сказал он, — что прежде всего необходимо убедиться, не скрывается ли он где-нибудь в башне, ибо едва ли он мог выбраться оттуда. Бедняга Нолан, может быть, и стал бы говорить опять о фее смерти или о том, что это сверхъестественно, но вполне возможно. Однако мне нет нужды прибегать к помощи бестелесных духов, когда я имею дело с реальными предметами. А они таковы: пустая башня с лестницей, стул и простой стол.

— Спириты, — произнес сэр Уолтер с улыбкой, — сказали бы, что духи могут многое сделать с помощью простого стола.

— Только в том случае, если на нем стоит хорошая бутылка спиртного, — ответил Уилсон, улыбаясь своими бесцветными губами. — Здесь верят в духов, особенно когда нагрузятся ирландским виски. Думается мне, этой стране не хватает просвещения.

Тяжелые веки Хорна Фишера дрогнули, точно он был не в силах сдержать ленивый протест против презрительного тона сыщика.

— Ирландцы слишком верят в духов, чтобы верить в спиритизм, — проговорил он тихо, растягивая слова. — Они слишком много о них знают. Если же вы хотите найти по-детски простодушную веру в любого духа, то ищите ее в своем любимом Лондоне.

— И не собираюсь искать, — ответил задетый за живое Уилсон, — повторяю, я имею дело с вещами более простыми, чем ваша простодушная вера, — стол, стул и лестница. И вот что я должен сказать о них для начала. Они грубо сколочены из дешевого дерева. Однако стол и стул совсем новые и сравнительно чистые. Лестница покрыта пылью, и под верхней ступенькой видна паутина. А это значит, что стол и стул он взял у кого-нибудь в деревне совсем недавно, как мы и предполагали. Но лестница уже давно стоит в этой проклятой старой норе. Она, вероятно, составляла часть первоначальной обстановки — наследия этого великолепного дворца ирландских королей.

Фишер снова глянул на него из-под тяжелых век, однако, казалось, одолеваемый сном, ничего не сказал. Уилсон продолжал:

— Совершенно очевидно, что здесь только что произошло нечто необычайное. Ставлю десять против одного, что все дело каким-то образом связано именно с этим местом. Может быть, он выбрал башню потому, что больше нигде не мог бы сделать того, что сделал, — ведь выглядит она не очень-то гостеприимно. Но он знал ее издавна; говорят, она принадлежала его роду. Итак, все вместе взятое указывает на то, что тайна кроется в конструкции самой башни.

— Ваши доводы кажутся чрезвычайно убедительными, — сказал внимательно слушавший сэр Уолтер. — Но что бы это могло быть?

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря о лестнице, — продолжал сыщик. — Она единственная здесь старая вещь и первая, которую я заметил своим взглядом кокни. Но тут есть и еще кое-что. Эта площадка наверху предназначалась для всякого старого хлама, однако никакого хлама там нет. Насколько я могу судить, она совершенно пуста, как и вся башня, и я не понимаю, к чему тогда лестница. Думается мне, что, не найдя здесь внизу ничего необычного, стоит заглянуть наверх.

Он живо соскочил со стола, на котором сидел (единственный стул был предоставлен сэру Уолтеру), и быстро взобрался по лестнице. За ним последовали остальные. Мистер Фишер поднялся последним, храня на лице выражение полного безразличия. Однако и на этой стадии поисков их постигло разочарование, хотя Уилсон обнюхал каждый угол, как терьер, и облазил, как муха, весь потолок.

Полчаса спустя они вынуждены были признать, что так и не напали на след. Личному секретарю сэра Уолтера, видимо, все труднее было бороться с дремотой, столь неуместной в данных обстоятельствах. Поднявшись последним по лестнице, он, казалось, не находил в себе сил даже спуститься вниз.

— Спускайтесь, Фишер, — позвал его сэр Уолтер снизу, после того как все остальные снова очутились на полу. — Надо решить, стоит ли разнести эту башню на куски, чтобы понять, как она сделана.

— Иду, — ответил голос сверху, сопровождаемый сдавленным зевком.

— Чего вы ждете? — спросил сэр Уолтер нетерпеливо. — Вы что-нибудь увидели?

— Да, пожалуй, — неопределенно ответил тот. — А вот теперь я вижу совершенно отчетливо.

— Что вы видите? — резко спросил Уилсон, сидя на столе и нетерпеливо постукивая каблуками.

— Человека, — ответил Хорн Фишер.

Уилсон сорвался со стола, как будто его толкнули.

— Что вы говорите? — закричал он. — Как это вы можете видеть человека?

— В окно, — кротко ответил секретарь сэра Уолтера. — Я вижу, как он приближается к нам по равнине. Он идет прямо по открытому полю, направляясь кратчайшим путем к башне. По-видимому, он хочет нанести нам визит. И, принимая во внимание, кем он может быть, полагаю, было бы учтивее, если бы мы встретили его у двери.

И он неторопливо спустился с лестницы.

— Кто бы это мог быть? — в изумлении сказал Уилсон.

— Думаю, что тот, кого вы зовете принцем Майклом, — небрежно заметил мистер Фишер. — Я даже уверен, что это он. Я видел его фотографии в полиции.

Наступила мертвая тишина, во время которой в ясной голове сэра Уолтера мысли завертелись наподобие крыльев ветряной мельницы.

— Разрази его гром! — проговорил он наконец. — Даже если предположить, что им же подготовленный взрыв выбросил его, неизвестно каким образом, за полмили отсюда и не причинил ему никакого вреда, то все равно я не понимаю, какого черта он сюда идет. Убийца обычно не возвращается так скоро на место своего преступления.

— Откуда ему знать, что это место его преступления? — ответил Хорн Фишер.

— Черт возьми, что вы хотите сказать? Вы полагаете, что он до такой степени рассеян?

— Дело в том, что это отнюдь не место его преступления, — сказал Фишер, подходя к окну и выглядывая из него.

Опять наступило молчание, а затем сэр Уолтер произнес спокойно:

— Что вам пришло в голову, Фишер? Я вижу, у вас возникла новая теория относительно того, как этот парень вырвался из окружавшего его кольца.

— Он и не вырывался, — ответил Фишер, — стоя у окна и не оборачиваясь. — Он и не мог вырваться, ибо он не был в этом кольце. И в башне его не было — во всяком случае, когда мы окружали ее.

Он повернулся и встал, прислонившись спиной к косяку окна. Несмотря на обычное для него выражение безразличия, лицо его было бледнее, чем всегда, возможно, от падавшей на него тени.

— Я начал догадываться кое о чем, когда мы только подходили к башне, — сказал он. — Заметили ли вы, как затрепетало пламя свечи, перед

тем как погаснуть? Я был почти уверен в том, что это последняя вспышка догоревшей свечи. А когда я вошел в комнату, я увидел вот это.

Он указал на стол, и сэр Уолтер пробормотал что-то вроде заглушенного проклятия по поводу своей собственной слепоты. Свеча в подсвечнике действительно выгорела до конца, однако что из этого следовало, оставалось для сэра Уолтера тайной.

— Затем возникает своего рода математический вопрос, — продолжал Фишер, снова спокойно прислонясь к окну и всматриваясь в голые стены, как бы разглядывая на них воображаемые чертежи. — Человеку, находящемуся в центре треугольника, не так-то просто видеть все три угла. Однако если он находится в одном из углов, ему гораздо легче видеть то, что происходит в двух других, в особенности если они лежат у основания равнобедренного треугольника. Прошу прощения, если это похоже на лекцию по геометрии, но...

— Боюсь, что у нас нет для нее времени, — холодно проговорил Уилсон. — Если этот человек в самом деле возвращается, я должен немедленно отдать приказание.

— Все же я продолжу свою мысль, — заметил Фишер, с оскорбительным спокойствием глядя в потолок.

— Должен просить вас, мистер Фишер, не мешать мне вести расследование по своему усмотрению, — сказал Уилсон решительно. Сейчас здесь распоряжаюсь я.

— Да, — тихо ответил Хорн Фишер тоном, заставившим похолодеть всех присутствующих. — Да, но почему?

Сэр Уолтер смотрел на Фишера в изумлении, — перед ним был совсем не тот молодой человек, медлительный и томный, которого он знал. Фишер поднял веки и смотрел теперь на Уилсона, широко раскрыв глаза; казалось, с его глаз, словно с глаз орла, сдвинулась пленка, обычно прикрывавшая их.

— Почему вы распоряжаетесь здесь? — спросил он. — Почему вы ведете теперь расследование по своему усмотрению? Как случилось, хотел бы я знать, что здесь нет никого старше вас по чину, чтобы вмешаться в ваши действия?

Все растерянно молчали. В эту минуту снаружи раздался сильный и гулкий удар в дверь башни, и этот звук представился их взволнованному воображению тяжелым ударом молота самой судьбы.

Деревянная дверь закричала на ржавых петлях под чьей-то сильной рукой, и в комнату вошел принц Майкл. Никто не сомневался, что это был он. Светлое платье принца, хотя и сильно пострадавшее за время его приключений, сохранило все же прекрасный, почти щегольской покрой, а

острая бородка, или эспаньолка, словно служила новым напоминанием о Луи-Наполеоне; впрочем, он был гораздо выше и стройнее того, кому стремился подражать. Никто не успел произнести ни слова, когда он, как бы прося их хранить молчание, сделал легкий, но величественный жест гостеприимного хозяина.

— Джентльмены, — сказал он, — приветствую вас в башне, ставшей теперь столь неприглядной.

Уилсон опомнился первым. Он шагнул к нему и произнес:

— Майкл О'Нейл, именем короля я арестую вас за убийство Фрэнсиса Мортон и Джеймса Нолана. Считаю своим долгом предупредить вас...

— Нет, мистер Уилсон, — внезапно вскричал Фишер, — вам не удастся совершить третье убийство!

Сэр Уолтер Кэри вскочил со стула, который с грохотом повалился на пол.

— Что это значит? — воскликнул он властным голосом.

— Это значит, — ответил Фишер, — что человек по имени Хукер Уилсон выстрелом из окна через пустую комнату убил своих товарищей в ту минуту, когда они появились в двух противоположных окнах. Вот что это значит. А если вы хотите убедиться в этом, то сосчитайте, сколько было выстрелов и сколько патронов осталось у него в револьвере.

Уилсон быстрым движением руки схватил револьвер, который лежал на столе. Но случилось самое неожиданное из всего, что можно было предположить. Принц Майкл, неподвижно, как статуя, стоявший на пороге, вдруг с ловкостью акробата выхватил револьвер из рук сыщика.

— Собака, — воскликнул он, — ты — это справедливость англичан, а я — трагедия ирландцев. Ты пришел сюда, чтобы убить меня рукой, обогренив кровью твоих братьев. Если бы они пали от кровной мести, это назвали бы убийством, но тогда твой грех можно было бы оправдать. Мне же, невиновному в их убийстве, суждено было бы умереть торжественно и пышно. Произносились бы длинные речи, и судьи терпеливо вслушивались бы в мои тщетные попытки доказать свою невиновность, отмечая мое отчаяние и пренебрегая им. Да, вот что я называю злодейством. Но можно убить — и не совершить преступления. В этом револьвере осталась еще одна пуля, и я знаю, кто ее заслужил.

Уилсон даже не успел повернуться, как Майкл выстрелил. Сыщик скорчился от боли и упал, как бревно.

Полицейские бросились к нему, сэр Уолтер стоял, не в силах произнести ни слова. Наконец Хорн Фишер нарушил молчание.

— Да, вы — подлинное воплощение трагедии ирландцев, — сказал он,

сопровождая свои слова странным жестом усталости. — Вы были совершенно правы и сами погубили себя.

Лицо принца стало неподвижно, как мрамор, потом в глазах его мелькнуло что-то вроде отчаяния.

И вдруг он рассмеялся и швырнул дымящийся револьвер на пол.

— Да, мне нет оправдания, — сказал он. — Я совершил преступление, и оно заслуженно навлечет проклятие на меня и детей моих.

Хорн Фишер, казалось, не ожидал такого быстрого раскаяния. Не отводя от Майкла глаз, он спросил тихо:

— О каком преступлении вы говорите?

— Я помог английскому правосудию, — ответил принц Майкл. — Я отомстил за смерть полицейских вашего короля. Я выполнил дело королевского палача. По справедливости меня надо за это повесить.

И он сделал шаг к полицейским. Он не сдавался, а скорее приказывал им арестовать себя.

Таковы были события, о которых спустя много лет Хорн Фишер рассказывал журналисту Гарольду Марчу, сидя в небольшом, но фешенебельном ресторане недалеко от Пикадилли. Он пригласил Марча пообедать с ним после расследования дела, которое он назвал «Лицо на мишени». Вначале разговор зашел об этом таинственном происшествии, а затем Хорн Фишер предался воспоминаниям о более ранних событиях своей молодости, побудивших его заинтересоваться проблемами, подобными делу принца Майкла. С тех пор прошло пятнадцать лет. Волосы Хорна Фишера еще более поредели, на лбу образовались залысины, в движениях его длинных и тонких рук было больше усталости и меньше выразительности. И он рассказал давнюю историю о своем ирландском приключении, потому что тогда он впервые столкнулся с миром преступлений и понял, что преступление может быть тайно и непостижимо связано с законом.

— Хукер Уилсон был первым преступником, которого я встретил, и он служил в полиции, — рассказывал Фишер, вертя в руках бокал. — И всю свою жизнь я встречал людей такого рода. Он был безусловно одаренным человеком, может быть, даже талантливым. И как сыщик и как преступник он достоин самого тщательного изучения. У него была характерная наружность — бледное лицо и ярко-рыжие волосы, и он принадлежал к типу людей, холодных и равнодушных ко всему, кроме всепожирающей страсти к славе. Он мог управлять своим гневом, но не честолюбием. Во время своего первого столкновения с начальниками он проглотил их насмешки, но весь кипел от обиды. Однако позже, когда в просветах окон

появились два резко очерченных силуэта, он не мог удержаться от мести, тем более что таким образом он избавлялся сразу от двух людей, служивших ему препятствием на пути к продвижению. Он стрелял без промаха и рассчитывал на то, что некому будет свидетельствовать против него. Надо сказать, что Нолан едва не выдал его: умирая, он успел произнести «Уилсон» и указать на него. Мы думали, что он просит нас помочь товарищу, в то время как он назвал убийцу. Что касается лестницы, то ее было совсем нетрудно опрокинуть — стоящий на ней не мог видеть, что происходит внизу, — а затем Уилсон и сам упал на землю, прикинувшись пострадавшим при катастрофе. Однако наряду с убийственным честолюбием он обладал искренней верой не только в свои таланты, но и в свои теории. Он верил в идею «свежего глаза» и стремился к широкому применению своих новых методов. В теории Уилсона было зерно истины, хотя его и постигла неудача, обычная в таких случаях, — ведь даже свежему глазу не видно невидимое. Эти теории подходят для простых случаев, как с лестницей или пугалом, но они бессильны там, где дело касается самой жизни или человеческой души. И он глубоко ошибся в том, что мог сделать такой человек, как принц Майкл, услышав крик женщины. Тщеславие Майкла и понятие о чести были причиной того, что он не задумываясь поспешил на помощь, — за перчаткой дамы он вошел бы даже в Дублинский замок. Читайте это попой, если угодно, но именно так он и поступил бы. Что произошло, когда он встретил Бриджет, — это уже другая история, которую мы, может быть, никогда не узнаем. Но по слухам, до меня дошедшим, они помирились. И хотя Уилсон на этот раз ошибся, все же было что-то новое в его мысли о том, что человек, не знающий данного места, замечает больше, чем тот, кто прожил здесь всю жизнь, потому что он слишком много знает. Да, кое в чем он был прав. И он был прав относительно меня.

— Относительно вас? — спросил Марч.

— Я слишком много знаю, чтобы знать что-нибудь или, во всяком случае, чтобы сделать что-нибудь, — сказал Хорн Фишер. — Я говорю сейчас не только об Ирландии. Я говорю об Англии. Я говорю о всей системе нашего управления, хотя, вероятно, она единственно для нас возможная. Вы спрашиваете меня, что произошло с теми, кто остался в живых после этой трагедии. Так вот: Уилсон выздоровел, и нам удалось убедить его подать в отставку. Однако этому проклятому убийце пришлось дать такую огромную пенсию, какую едва ли получал самый доблестный герой, когда-либо сражавшийся за Англию. Мне удалось спасти Майкла от самого страшного, однако этого совершенно невинного человека пришлось

отправить на каторгу за преступление, которого, как мы хорошо знаем, он не совершал. И только значительно позже нам удалось тайно способствовать его побегу. Сэр Уолтер Кэри сейчас премьер-министр, и весьма вероятно, что он никогда бы им не был, если бы стала известна правда об этом позорном происшествии, случившемся в его ведомстве. Она могла погубить нас всех, когда мы были в Ирландии. Для него же это наверняка был бы конец. А ведь он старый друг моего отца и всегда был очень добр ко мне. Как видите, я слишком тесно связан с этим миром, и уж конечно я не был рожден для того, чтобы изменить его. Вы, по-видимому, огорчены, а может быть, даже шокированы, но я и не думаю обижаться на вас. Что ж, если угодно, переменяем тему разговора. Как вам нравится это бургундское? Оно — мое открытие, как, впрочем, и сам ресторан.

И он начал пространно, с чувством и со знанием дела говорить о винах — предмете, о котором, как скажут некоторые моралисты, он также слишком много знал.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Имеется в виду Шарль Луи Наполеон Бонапарт (Наполеон III, 1809-1873), президент республики с 1848 г., а после контрреволюционного переворота в 1851 г. — король Франции.